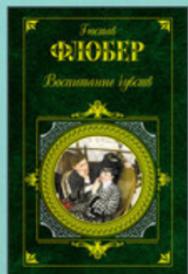

Гюстав Флобер

Иродиада

Часть сборника
Воспитание чувств (сборник)

Гюстав Флобер

Иродиада

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132985
Воспитание чувств: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-16164-5

Аннотация

Повесть о Саломее – иудейской принцессе, сыгравшей значительную роль в библейской истории.

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Гюстав Флобер

Иродиада

I

Махэрусская¹ цитадель возвышалась – на восток от Мертвого моря – на базальтовой скале, имевшей вид конуса. Четыре глубоких долины ее окружали: две с боков, одна впереди, четвертая сзади. Куча домов теснилась у ее подошвы, охваченная круглым каменным валом, который то вздымался, то ниспадал, следуя неровностям почвы; извилистая дорога, высеченная в скале, соединяла город с крепостью. Стены той крепости, вышиною в сто двадцать локтей, изобиловали уступами, углами, бойницами; башни высились там и сям, составляя как бы звенья каменного венца, воздвигнутого над бездной.

Внутри цитадели находился дворец, украшенный портиками, с плоской крышей в виде террасы. Перила из смоковичного дерева замыкали ее со всех сторон; длинные мачты, на которые натягивался велариум², стояли вокруг, над перилами.

¹ *Махэрусская цитадель.* – Находилась на юге Палестины, к востоку от Мертвого моря.

² *Велариум* – тент.

Однажды, до восхода солнца, тетрарх Ирод Антипа³ появился на вершине дворца – и, облокотясь о перила, принялся глядеть.

Прямо перед ним лежавшие горы начинали показывать свои гребни, между тем как вся их масса, до самого дна ущелий, пребывала еще в тени. Туманы бродили... Они вдруг разорвались – и ясно выступили очертания Мертвого моря. Заря уже зажигалась позади Махэруса; уже начинали разливаться ее красноватые отражения. Понемногу осветила она прибрежные пески, холмы, пустыню; а там, дальше к небосклону, зарумянились и Иудейские горы с своими серыми, шероховатыми покатосями. Посередине – Энгадди протянулось черною чертою; Эброн в углублении закруглился куполом, Эсколь показал свои гранатовые роци, Сорэк – свои виноградники, Газер – поля, усеянные кунгутом; кубышкообразная громадная Антониева башня⁴ тяжело повисла над

³ ...тетрарх Ирод Антипа... – На рубеже нашей эры Палестиной управляли зависимые от Рима цари. Поскольку они получали власть лишь над четвертой частью страны, их называли «тетрархами» («четверовластниками»). Ирод Антипа был сыном Ирода Великого, посаженного римлянами на престол в 37 г. до н. э. Выходцы из племени идумеян, Ирод и его потомки были ненавистны иудеям, Ирод Великий усилил эту ненависть покорностью римлянам, расправами с иудейской знатью и насаждением греческих и римских нравов. Против Ирода Великого часто устраивались заговоры; за участие в них Ирод казнил трех из своих четырнадцати сыновей. После смерти Ирод оставил по завещанию власть над Галилеей и Переей (области Палестины) своему седьмому сыну, Антипе; римляне утвердили это завещание.

⁴ Антониева башня – форт в Иерусалиме, построенный Иродом Великим и названный им в честь триумвира Марка Антония.

Иерусалимом. Тетрарх отвел от нее свои взоры и стал созерцать иерихонские пальмы; вспомнил он тут остальные города своей Галилеи: Капернаум, Аэндор, Назарет – и Тивериаду⁵, куда он, может быть, никогда не возвратится. Иордан струился перед ним по безжизненной пустыне. Внезапно вся побелевшая, она слепила глаза, подобно снеговой скатерти. Мертвое море становилось похожим на большой лазоревый камень – и на северной его оконечности, со стороны Иемена, Антипа открыл именно то, что он боялся найти: разбросанные палатки темно-бурого цвета виднелись там; люди, с копьями в руках, двигались промеж лошадей, а потухавшие огоньки блистали искрами, низко – на самом уровне земли.

То было войско аравийского царя, с дочерью которого Антипа развелся для того, чтобы взять за себя Иродиаду⁶, жену одного из своих братьев. Брат этот жил в Италии, без всякого притязания на власть.

Антипа ожидал помощи от римлян; и так как Вителлий⁷,

⁵ *Тивериада*. – Была основана Иродом Антипой на берегу Генисаретского озера и названа в честь императора Тиверия (Тиберия).

⁶ *Иродиада* – дочь Аристовула, казненного сына Ирода Великого. Была замужем за своим дядей Иродом Филиппом, от которого имела дочь Саломею, но покинула мужа, чтобы стать женой Антипы. Этот непристойный, с точки зрения иудеев, брак вызвал резкое недовольство в народе. Глашатаем этого недовольства был, по Евангелиям, Иоанн Креститель.

⁷ *Вителлий* Луций – проконсул провинции Сирия, которому подчинена была Иудея. Так как после удачных переговоров с парфянами Вителлий не успел доложить об этом Тиберию и Антипа опередил его в этом, Вителлий возненавидел тетрарха и не спешил оказать ему помощь в войне с арабами (**Иосиф Флавий**).

сирийский правитель, медлил прибытием, беспокоило терзало тетрарха. «Агриппа⁸, – думал он, – наверное, повредил мне у императора». Филипп, третий его брат, владелец Ватанеи, тайно вооружился. Иудеев возмущали идолопоклоннические обычаи тетрарха; других его подданных тяготило его правление. Вот он и колебался между двумя решениями: либо смягчить аравитян, либо заключить союз с парфянами; и, под предлогом именинного празднества, он в тот самый день пригласил на великий пир главных начальников своих войск, приставов по имениям и важнейших лиц Галилеи.

Остро напряженным взором пробежал он все дороги. Они были пусты. Орлы летали над его головою. Вдоль крепостного вала солдаты спали, прислонившись к стене. Во дворце ничего не шевелилось.

Внезапно отдаленный голос, как бы выходящий из недр земли, заставил побледнеть тетрарха. Он нагнулся, чтобы вернее прислушаться. Но голос умолк. Потом он опять раздался... и, хлопнув несколько раз в ладоши, Ирод закричал: «Маннаи! Маннаи!»

Появился человек, обнаженный до пояса, подобно банщику. Он был очень высокого роста, стар, страшно худ; на ляжке у него висел большой нож в бронзовых ножнах – и так как

⁸ *Agrippa* – родной брат Иродиады. Он был воспитан в Риме и дружен с племянником императора Гаем (Каем) Калигулой. Впоследствии, уже будучи императором, Калигула по доносу Агриппы, обвинявшего Антипу в тайном хранении несметных запасов оружия, лишил тетрарха власти, сослал его вместе с Иродиадой в Галлию, а на его место поставил Агриппу.

его волосы, захваченные гребнем, были все вздеты кверху, то лоб его казался длины необычайной. Странная сонливость заволакивала его бесцветные глаза. Но зубы его блестели – и ноги легко и твердо ступали по плитам. Гибкость обезьяны сказывалась во всем его теле, бесстрастная неподвижность мумии – на лице.

– Где он? – спросил тетрарх.

– Все там же! – отвечал Маннаи, указывая позади себя большим пальцем правой руки.

– Мне почудился его голос! – и Антипа, вздохнув глубоко до дна груди, осведомился об Иоаканаме – о том человеке, которого латиняне называют святым Иоанном Крестителем.

– Приходили ли вновь те два человека, которые месяц тому назад были, по снисхождению, допущены в его тюрьму, и стала ли известна причина их посещения?

Маннаи отвечал:

– Они обменялись с ним таинственными словами, ни дать ни взять ночные воры на перекрестках дорог. Потом они отправились в верхнюю Галилею, объявив, что скоро вернутся с великою вестью.

Антипа наклонил голову; потом, с выражением ужаса на лице:

– Береги его! береги! – воскликнул он. – И никого не допускай до него! Запри крепко дверь! Прикрой яму! Никто не должен даже подозревать, что он еще жив!

Еще не получив этих приказаний, Маннаи уже исполнял

их, ибо Иоаканам был иудей, и Маннаи, как все самаритяне⁹, ненавидел иудеев.

Гаризимский их храм, храм самаритян, предназначенный Моисеем быть средоточием Израиля, не существовал со времен короля Гиркана¹⁰: а потому иерусалимский храм наполнял душу Маннаи тою яростью оскорбления, которую возбуждает торжествующая несправедливость. Маннаи однажды тайно взобрался в иерусалимский храм с другими товарищами для того, чтобы осквернить алтарь возложением на священное место мертвых костей. Его спасло проворство ног; сообщникам его отрубили головы.

И вот он увидел ненавистный храм вдали, в разрезе двух холмов. Поднявшееся солнце ярко освещало беломраморные стены и золотые плиты крыши. Храм являлся лучезарной горой, чем-то сверхъестественным; все кругом было подавлено его великолепием, его гордыней.

Маннаи протянул руку в направлении Сиона – и, выпрямив стан, сжав кулаки, закинув лицо, произнес анафему. Он был уверен, что клятвенные слова имеют действительную силу!

⁹ *Самаритяне* – смешанное племя, распространившееся в Палестине во времена Вавилонского пленения евреев. Вернувшиеся из плена евреи отвергли единоверцев-самаритян, и между племенами воцарилась вражда.

¹⁰ *Гиркан* – последний царь-первосвященник из рода Маккавеев, сбросивших за полтора века перед тем иго сирийских царей из греческой династии Селевкидов. Гиркан разрушил храм на горе *Гаризим* близ Самарии, соперничавший с Иерусалимским храмом.

Антипа равнодушно выслушал его возглас. Самаритянин продолжал:

– От времени до времени он волнуется, он хочет бежать; он надеется на освобождение. Иногда у него вид спокойный, как у большого зверя; а не то он вдруг начнет ходить взад и вперед впотьмах, беспрестанно повторяя: «Что нужды! Дабы он возвеличился, нужно мне умалиться!»

Антипа и Маннаи обменялись взорами. Но долгие размышления уже утомили тетрарха.

Все эти горы вокруг него, подобные уступам больших окаменелых волн, черные расселины на склоне крутых скатов, громадность синего неба, сильный дневной свет, глубина пропастей – все его смущало; и безнадежное уныние овладевало им при зрелище пустыни, почва которой, искаженная допотопными переворотами, являла вид обрушенных цирков и дворцов. Горячий ветер приносил вместе с запахом серы как бы испарения богом проклятых городов, зарытых глубоко, ниже берегов Мертвого моря, под тяжелыми его водами. Эти следы бессмертного гнева пугали ум тетрарха; и он пребывал недвижим, опершись обоими локтями на перила и сжимая виски руками. Кто-то слегка тронул его. Он обернулся: перед ним стояла Иродиада.

Легкий пурпурный хитон облекал ее всю до самых сандалий. Торопливо покинув свои покои, она не успела надеть ни ожерелья, ни серег; густая косьма черных волос падала ей на плечо, прильнув концом к груди, в промежутке сос-

цов. Вздернутые ноздри трепетали; радость торжества озаряла лицо. Громким голосом взывая к тетрарху:

– Цезарь нас любит! – промолвила она. – Агриппа посажен в тюрьму¹¹.

– Кто тебе сказал?

– Уж я знаю! Он в тюрьме, – продолжала она, – за то, что пожелал Каию¹² быть императором.

Этот Агриппа, живя их подаянием, стремился добыть себе царский титул, которого и они домогались. Но теперь его уже нечего страшиться! Тюрьмы Тиверия отпираются не легко, и самая жизнь в них не всегда надежна!

Антипа понял ее, и хотя она была сестра этого самого Агриппы, жестокий смысл ее последних слов не возмутил его; напротив, он ее оправдывал. К тому же все эти убийства проистекали из самой силы вещей; они были как бы необходимостью в тогдашних царских домах. В доме Ирода их уже не считали... так их было много.

Затем она рассказала тетрарху все свои старания; упомянула о подкупе клиентов, о вскрытых письмах, о лазутчиках,

¹¹ *Агриппа посажен в тюрьму.* – «Однажды Агриппа ехал в колеснице с Гаем, и им случилось заговорить о Тиберии. Агриппа пожелал, чтобы тот скорее уступил место Гаю. Эвтихий, его вольноотпущенник, управляющий колесницей, слышал это. Когда позже Агриппа обвинил его в краже – что было правдой, – Эвтихий, вместо того чтобы защищаться, объявил, что может открыть Тиберию тайну, важную для его безопасности. Так император узнал о речах Агриппы» (**Иосиф Флавий**. Иудейские древности, XVIII, 7). События эти произошли позже тех, которые описывает Флобер.

¹² Кай Калигула, наследник Тиверия.

приставленных ко всем дверям; рассказала, как ей удалось переманить главного доносчика Эвтихия – все, все сообщила она. «Я ничего не жалела! Для тебя чего я не сделала? Не отреклась ли я от собственного сына?»¹³»

После развода она оставила этого ребенка в Риме, надеясь иметь других детей от тетрарха. До того дня она никогда не упоминала об этом. И он спрашивал себя: откуда в ней этот внезапный прилив нежности – и что он значит?

Между тем прислужники натянули велариум, принесли и положили на пол широкие подушки. Иродиада опустилась на одну из них и заплакала, обернувшись спиной к мужу. Но вот она провела ладонью по векам... Она решила, что не будет думать о прошлом, что она теперь счастлива! И она принялась напоминать тетрарху долгие их беседы там, в далеком Риме, в атриуме дворца; встречи их под портиками бань, прогулки по «Священной улице»¹⁴ и вечера, проведенные в просторных виллах, при рокоте водоемов, под цветочными арками, в виду римской Кампаньи. Она взглядывала на него, как в былые дни, и с кошачьими движениями всего тела ластилась к его груди. Он оттолкнул ее.

Та любовь, которую она старалась оживить, была теперь так от него далеко! Причиной всех его бедствий была эта

¹³ *Не отреклась ли я от собственного сына?* – Ошибка Тургенева, вызванная, возможно, опiskой в рукописи Флобера. В оригинале – «от моей дочери» (т. е. Саломеи).

¹⁴ «Via Sacra» – главная улица Древнего Рима.

любовь. По ее милости война продолжалась вот уже скоро девять лет; по ее милости тетрарх состарился. Облаченная в темную тогу с лиловой каймой, его спина горбилась; седина мелькала в бороде, и лучи солнца, проникавшие сквозь ткань натянутого покрывала, озаряли живым светом его угрюмый, сморщенный лоб. На лбу Иродиады тоже виднелись складки, и, сидя друг против друга, они менялись враждебными, суровыми взглядами.

Меж тем горные дороги оживлялись. Пастухи погоняли быков острием дротиков, дети тащили за собой ослов, конюхи вели выючных лошадей. Те, которые спускались с высот, лежащих за Махэрусом, исчезали постепенно за стенами замка; другие поднимались вдоль ущелий, ведущих к Махэрусу, – и, войдя в город, складывали свою ношу по дворам домов. То были поставщики тетрарха и слуги гостей, высланные вперед своими господами. Но вот налево, на самом конце террасы, появился ессей¹⁵, босой, в белой одежде, с видом стойка¹⁶. Маннаи тотчас бросился к нему навстречу, обнажив и высоко подняв свой нож.

– Убей его! – кричала Иродиада.

¹⁵ *Ессей* – член религиозной иудейской секты, проповедовавшей отречение от мира, крайнюю строгость нравов и служение богу не жертвами, но очищением души.

¹⁶ *Стойк* – представитель одного из влиятельнейших философских течений Древнего мира – стоицизма. Стоики, многие из которых вели жизнь бродячих проповедников, учили, что величайшим благом является мудрость, потому что она позволяет стать выше страданий и треволнений мира.

– Стой! – промолвил тетрарх.

Маннаи остановился; тот тоже.

Потом оба отступили, пятась друг от друга и не покидая друг друга взглядом; и оба исчезли – каждый по другой лестнице.

– Я знаю его! – сказала Иродиада. – Его имя Фануил; он старался свидетелься с Иоаканамом, так как ты настолько слаб, что сохраняешь его в живых.

Антипа возразил, что из Иоаканама можно было извлечь пользу. Его постоянные нападки на Иерусалим привлекали к ним обоим остальных евреев.

– Нет! – воскликнула она. – Евреи покоряются всем своим властителям. Они не в состоянии создать себе родину. А того, кто тревожит народ, возбуждая в нем надежды, сохранившиеся со времен Гегемиаса¹⁷, – того должно уничтожить. Вот самая верная политика.

– Нам не к спеху! – уверял тетрарх. – Иоаканам – опасен! Вот выдумала!!!

И он смеялся притворно.

– Молчи! – крикнула она.

И она снова рассказала про то унижение, которому подверглась она в день своей поездки в Галаад для сбора бальза-

¹⁷ *Гегемиас* (правильно: Неемия) – придворный персидского царя Артаксеркса (V в. до н. э.); уехал в Палестину, чтобы возглавить евреев, вернувшихся из Вавилонского плена. При Неемии последний из пророков, Малахия, предрек, что вскоре придет воскресший пророк Илия. Воскресшего Илию видели в Иоанне Крестителе.

ма. На берегу реки какие-то нагие люди надевали свои одежды. Тут же, на вершине холма, стоял человек и говорил. Он был препоясан по чреслам верблюжьей кожей – и его голова походила на голову льва.

– Как только он увидел меня, – продолжала Иродиада, – он изрыгнул на меня все проклятия пророков. Его зеницы пылали, голос завывал; он поднимал руки к небу, как бы желая достать оттуда громовые стрелы. Бежать было невозможно; колесница моя до самых ступиц завязла в песке... И я поневоле медленно удалялась, закрываясь мантией, – и вся кровь моя стыла от оскорблений, которые сыпались на меня, как дождевой ливень!

Иоаканам не давал жить Иродиаде! Когда его схватили и связали веревками – солдатам дан был приказ зарезать его, если б он вздумал сопротивляться. Но тут он, как нарочно, явился смиренником. В его тюрьму напустили змей – змеи околели.

Неудача ее козней выводила из себя Иродиаду. Зачем он нападал на нее? Что его побуждало? Его речи, обращенные к толпе, распространялись повсюду, их повторяли – она слышала их везде, – они наполняли воздух. Она не была лишена мужества – но эта сила, более язвительная, чем лезвие мечей, сила, которую невозможно было схватить, наводила на нее нечто вроде оцепенения. Иродиада расхаживала взад и вперед по террасе, вся помертвелая от гнева, не находя слов, чтобы выразить все, что душило ее.

Она думала также о том, что тетрарх, уступая общему мнению, мог, пожалуй, развестись с нею. Тогда все погибло! С самых молодых ногтей она питала мечту о великом царстве. Только для того, чтобы осуществить эту мечту, решилась она оставить своего первого мужа и соединиться с ним, с этим человеком, который ее обманывает.

– Хорошую я нашла подпору, нечего сказать, войдя в твою семью!

– Моя семья не хуже твоей, – спокойно отвечал тетрарх.

В жилах Иродиады внезапно закипела кровь ее прадедов, первосвященников и царей!

– Твой дед подметал храм в Аскалопе! Другие твои родичи были пастухами, разбойниками, поводырями караванов! Сволочь, платившая дань Иуде со времен царя Давида! Все мои предки били твоих предков! Первые из Маккавеев выгнали вас из Геброна; Гиркан принудил вас обрезаться!

И, дав волю чувству презрения, презрения патрицианки к плебею, рода Якова к роду Эдома, Иродиада начала осыпать Антипу упреками за его равнодушие к оскорблениям, за его уступчивость перед предателями, фарисеями, за его трусость перед народом, который его ненавидел.

– Ты такой же, как они, – признайся! И ты сожалешь о том, что оставил аравийскую девку, ту, что пляшет вокруг камней! Возьми же ее опять! Ступай и живи в ее холщовой палатке! Пожирай ее хлеб, испеченный под золою! Глотай кислое молоко ее овец! Лобызай ее синие щеки – и оставь

меня!

Но тетрарх уже не слушал ее. Он устремил глаза на плоскую крышу соседнего дома, где внезапно увидел молодую девушку; рядом с нею старуха держала зонтик с тростниковой ручкой, длинный, как рыбацье удилище. Посредине ковра стоял раскрытый дорожный короб; пояса, спутанные ткани, разноцветные покровы, золотые подвески в беспорядке свешивались через его края. От времени до времени молодая девушка наклонялась к этим предметам, встряхивала их на воздухе. Она была одета римлянкой – в тонкую тунику и в пеплум с застежками из изумруда; синие перевязки удерживали ее косу, вероятно, очень тяжелую: девушка изредка трогала ее сзади рукою. Тень от зонтика колебалась над нею, скрывая ее до половины. Раза два удалось Антипе заметить ее гибкую шею, угол глаза, часть небольшого рта. Но он мог видеть весь ее стан от бедер до затылка. Он видел, как он склонялся и выпрямлялся – легко и упруго. Он караулил возврат этого стройного движения – и дыхание его становилось усиленным, огоньки зажигались в глазах. Иродиада наблюдала за ним.

– Кто это? – спросил он наконец.

Она отвечала, что не знает... и, внезапно утихнув, удалилась.

Тетрарха ожидали под портиком галилеяне: заведовавший письменной частью, главный пристав над пастбищами, управляющий соляными копиями и еврей из Иерусалима, на-

чальник его конницы. Все приветствовали его дружным восклицанием... Но он обратился к внутренним покоям.

Фануил возник перед ним на повороте коридора.

– Опять ты! Ты, конечно, пришел сюда ради Иоаканама?

– И ради тебя! Мне нужно сообщить тебе важное известие...

И, не покидая более Антипу, он проник вслед за ним в темную храмину.

Свет падал в нее сквозь решетчатое отверстие, растялаясь во всю длину карниза. Стены были выкрашены красно-лиловой, почти черной краской. У задней стены возвышалось ложе из черного дерева с тесьмами из бычачьей кожи. Золотой щит блистал, как солнце, над изголовьем.

Антипа перешел всю храмину и бросился на ложе. Фануил, стоя, поднял руку с внушительным и вдохновенным видом.

– Всевышний посылает иногда одного из чад своих... Иоаканам – такое его чадо. Если ты будешь притеснять его – тебя постигнет кара.

– *Он* преследует меня, – воскликнул тетрарх. – Он потребовал от меня невозможного! С тех пор он всячески меня поносит. Сначала я кротко с ним обращался... Но он послал из Махэруса людей, которые возмущают моих подданных. Он нападает на меня... Я защищаюсь.

– Иоаканам слишком ретив в гневе, точно, – возразил Фануил. – Но как бы то ни было, его надо освободить!

– Диких зверей не выпускают на волю, – сказал тетрарх.

– Не тревожься более! – отвечал Фануил. – Он пойдет к аравитянам, к галлам, к скифам. Делу, к которому он призван, суждено достигнуть пределов земли.

Антипа казался погруженным в некое видение.

– Его власть велика! Я, против собственной воли, люблю его.

– Так освободи его!

Тетрарх покачал головой. Он боялся Иродиады, Маннаи... он страшился неизвестного будущего!

Фануил попытался убедить его. Залогом правдивости слов своих он представлял постоянную покорность ессеев царям. Эти люди, бедные, недоступные страху пытки и казни, покрытые льняной одеждой, умевшие читать в книге звездного неба, внушали невольное уважение. Антипа вспомнил слово, сказанное Фануилом в начале разговора.

– Какое важное известие хотел ты сообщить мне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.